

требующий дешифровки и опирающийся на действия смысла»³. Французский философ также считает, что главное различие между психоанализом и бихевиоризмом* состоит в том, что психоанализ имеет дело не с эмпирически наблюдаемым поведением, а с иной реальностью. «Реальность, о которой говорит психоанализ, — пишет Рикёр, — это по существу своему истина личной истории, протекающей в конкретных обстоятельствах; реальность здесь не является, как это имеет место в психологии, стимулятором, с каким работает экспериментатор, она — истинный смысл, к которому пациент должен пробиться, идя по мрачному лабиринту фантазма; преобразование смысла фантазма — вот в чем заключается реальность»⁴.

Вслед за Рикёром многие психоаналитики пришли к мысли о том, что психоаналитический метод является одной из форм герменевтики. Поскольку на интерпретацию аналитика влияет техника, обусловленная его теоретическими предпочтениями, его индивидуальными особенностями и т.д., то и результаты интерпретаций одного и того же явления могут быть совершенно различными у разных психоаналитиков. В частности, английский психоаналитик Д. Винникотт утверждал, что теория переходного феномена, которую он сформулировал для личного пользования, влияла на то, что он видел, слышал и делал. Сам Рикёр писал о «сугубо эпистемологической соотнесенности психического объекта, открытого многочисленным герменевтическим прочтениям, которые становятся возможными бла-

* Бихевиоризм — направление в психологии, получившее особенно большое развитие в Америке. В основе метода бихевиоризма лежит исследование раздражения и ответной реакции на воздействие внешней среды.

годаря соединению симптома, аналитического метода и модели интерпретации»⁵. Однако герменевтический метод в психоанализе имеет свои особенности, поскольку в нем интерпретации подвергаются не тексты, а психические проявления пациента. В этом смысле, по мнению современных немецких психоаналитиков Х.Томэ и Х.Кэхеле, можно говорить о «технологической» герменевтике, отличающейся от теологического и филологического истолкования текстов. В то же время они признают, что логика психоаналитических объяснений и их положение между описанием, мотивационным контекстом и функциональным контекстом сами по себе составляют проблему.

В 70-е гг. XX в. были разработаны основы психоаналитической герменевтики, одного из психоаналитически ориентированных течений современной философии, создателем которой был немецкий исследователь Альфред Лоренцер. В своей книге «Археология психоанализа» он называет его скорее анализом переживаний, чем психологией. Радикальным переворотом Фрейда во взаимоотношении врача с пациентом Лоренцер считает предоставленное пациенту право самовыражения. Предметом сообщений пациента отныне становится социальная конкретность его жизненного мира, представленная в виде сценически разыгранных рассказов. Согласно Лоренцеру, в психоаналитической работе переживание предстает как сценически разворачивающийся жизненный проект. Подобные жизненные проекты, по мнению немецкого исследователя, могут улавливаться лишь как сцены, реальные или фантазируемые, то есть как квазисобытия. Лишь таким путем в поле зрения сохраняется собственный предмет психоанализа, проекты интеракции, которые являют-

ся местом встречи индивидуальных особенностей и коллективных норм. Лоренцер считает, что формирование символов происходит не в бессознательном, как полагал Фрейд, а в сознании человека. Исходя из такого понимания психоанализа, Лоренцер помещает его в центре треугольника, сторонами которого являются биология, социология и психология.

По мнению Томэ и Кэхеле, для обретения научного статуса психоанализ должен хотя бы на шаг выйти за пределы герменевтического круга, а также поставить вопрос о доказательстве происходящих в терапии изменений вследствие психоаналитической работы. Для этого необходимо «обновить психоаналитическую теорию, существовавшую раньше в форме метапсихологии и поэтому основанную на зыбкой почве, содержательно и методологически психоанализу чуждой»⁶. В то же время немецкие исследователи пишут о том, что многим психоаналитикам было трудно отказаться от метапсихологии, поэтому ради её сохранения на протяжении долгого времени в нее вводились изменения. В частности, к динамическому, топографическому и экономическому объяснению психических явлений Фрейдом американскими психоаналитиками Д. Раппортом и М. Гиллом были добавлены генетический и адаптивный подходы. Это приводило к тому, что проблема объяснения в психоанализе, связанная с метапсихологией, стала либо игнорироваться, либо обходиться стороной. В свою очередь Томэ и Кэхеле рассматривают психоаналитический метод как герменевтическую технологию, находящуюся в сложных отношениях с теорией. Причем сами они выступают за теорию психоанализа, заимствованную из психологии и психодинамики, с использованием психосоциального и социо-

культурного подходов. Они также предлагают отказаться от всех тех положений психоанализа, которые были признаны устаревшими в связи с развитием научного знания в психологии или других дисциплинах. В частности, они отвергают как ненаучное разделяемое многими психоаналитиками представление о том, что эмпатическое восприятие — от бессознательного пациента к бессознательному аналитика — не требует никакого дальнейшего обоснования. Однако и при соблюдении всех этих условий, по мнению немецких исследователей, остаются трудно разрешимые проблемы верификации, ибо даже высокая эффективность терапии не может служить абсолютно надежным критерием правильности применяемых методов лечения, так как «терапевтический эффект может в действительности произойти благодаря предположению аналитика, то есть может быть основан на неверных инсайтах* и псевдообъяснениях; это может быть эффект плацебо** вследствие веры аналитика и пациента в истину и эффективность инсайта, достигнутого интерпретацией; или он может быть результатом каких-то других аспектов аналитической ситуации, например, опыта нового типа межличностных отношений, а не истинного инсайта»⁷.

Говоря о специфическом диадическом знании в психоанализе***, немецкие мыслители предлагают отличать описательное и классифицирующее знание от причинного. Описательное и классифицирующее зна-

* Инсайт — озарение, постижение.

** Плацебо — лекарственная форма, содержащая нейтральные вещества. Применяют для изучения роли внушения при лечебном воздействии каких-либо лекарственных веществ.

*** То есть знании, получаемом в ходе специфического взаимодействия аналитика и пациента.

ние дает ответ на вопрос о том, чем нечто является, а причинное (теоретическое) знание отвечает на вопрос, почему что-либо происходит, как соотносятся вещи, как данные факты зависят друг от друга и влияют друг на друга. Причинное знание служит обоснованием психоаналитических объяснений. Согласно немецким исследователям, всю область симптоматологии можно отнести к описательному и классифицирующему знанию, а клиническое знание этиологии и патогенеза психических болезней — к причинному знанию. Они также вводят понятие технического знания как знания о лечении и изменении. Техническое знание говорит нам о том, как мы можем действовать, а теоретическое знание дает нам постижение природы вещей.

Заканчивая обсуждение темы научности психоанализа, немецкие исследователи пишут о том, что психоаналитическая практика является той сферой, где происходит процесс лечения и достигается эвристически ценное знание. Включение независимых третьих участников является существенным и решающим при проверке того, относится ли это знание к чистой или к прикладной науке, а для этого, по их мнению, аналитик должен уметь проводить различие между такими понятиями, как излечение, разработка новых гипотез, их проверка, правильность объяснений и практическая ценность знания.

Кризис психоанализа, обусловленный позитивистским мировоззрением З.Фрейда, затронул самые различные сферы исследований в данной области. В частности, Эрих Фромм, создавший психоаналитическое учение о поведении, согласно которому социальный характер является результатом динамической адаптации человеческой природы к структуре общества, под-

верг резкой критике фрейдовский психоанализ за то, что он не учитывает социобиологическую природу человека, понимание которой требует критического анализа общества. Как результат, ортодоксальный фрейдизм, по мнению Фромма, не способен решить проблему взаимодействия индивида и общества.

Квазирелигиозное поклонение науке, характерное для XIX в., приводило к освобождению общественного и индивидуального сознания от влияния религии. По мнению известного австрийского этолога К.Лоренца, «подавляющее большинство ныне живущих людей воспринимает как ценность лишь то, что лучше помогает им перегнать своих собратьев в безжалостной конкурентной борьбе»⁸. Карен Хорни также выделяет характерное для современной западной культуры противоречие между соперничеством и успехом, с одной стороны, и братской любовью и человечностью — с другой. Соперничество вместе с сопутствующей ему потенциальной враждебностью к другим людям, по мнению Хорни, в психологическом плане приводят к тому, что человек чувствует себя изолированным. Вместе с тем огромная скученность населения в больших городах, которая усиливает агрессивность людей, а также быстрое изменение культурной среды, когда общества меняются в течение жизни одного поколения, приводит к утрате традиций, порождая у человека ощущение этического вакуума — всё более распространенное ощущение отсутствия смысла. Российский философ А.М.Руткевич считает, что условия большого города, порождающие обособившегося от всех прочих индивида, утратившего религию, традицию, почву, национальную идентичность, в повседневной коммуникации которого стало слишком мно-

го разрывов, потребовали создания особого вида психотехники, которой стал психоанализ. «Психоанализ возник в момент перехода к “мозаичной” культуре, он невозможен в традиционном обществе, где земная иерархия является отражением иерархии небесной, где знания о собственной душе заданы церковной организацией»⁹. Таким образом, в материалистической культуре XX в. врач-психоаналитик стал принимать на себя функции, которые раньше являлись прерогативой священнослужителей, а сам Фрейд стал рассматривать психоанализ в качестве научного (и конкурирующего) способа справляться с проблемами, для решения которых ранее использовалась религия.

В самой религии основатель психоанализа видел разновидность детского невроза и иллюзии, которую человек по мере взросления должен преодолевать. Это привело Фрейда к атеистическому мировоззрению и к отказу от поиска смысла в жизни, тягу к которому он приписывал неудовлетворенному либидо. Данные взгляды основателя психоанализа были подвергнуты резкой критике со стороны Виктора Франкла, основателя логотерапии, который писал о том, что поведение согласно принципу удовольствия характерно для маленького ребенка, адлеровский принцип могущества свойствен подростку, тогда как принципом поведения зрелой личности является стремление к смыслу. Впоследствии президент Международной психоаналитической ассоциации в 1996–1999 гг. Отто Кернберг пришел к заключению о необходимости пересмотра позиции Фрейда в отношении религии как иллюзии, которая будет заменена разумом. Последующее развитие психоанализа, по мнению американского психоаналитика, позволило признать религиоз-

ность фундаментальной человеческой потребностью. Рикёр также писал о том, что представление Фрейда о религии как иллюзии, которой не соответствует никакая реальность, является определением позитивиста, упускающего из виду функцию воображения, которая может приводить к порождению нового смысла и обновлению старого.

Подобное позитивистское представление Фрейда об иллюзии приводило к отсутствию у него интереса к тому, что не является простым «возвратом вытесненного», и к отрицанию существования психического синтеза. Согласно Рикёру, сущность художественной деятельности, которая является перспективным символом личностного единства художника, символом его будущего, а не просто регрессивным симптомом неразрешенных конфликтов, оставалась недоступной для создателя психоанализа¹⁰.

Что касается рассматриваемой основателем психоанализа проблемы Я («das Ich»), то в топографической модели психики Фрейда термин «das Ich» применялся для описания субъективного переживания чувства собственного Я. После же введения структурной модели работы психического аппарата основатель психоанализа стал описывать «das Ich» как некую защитную организацию, обладающую множеством механизмов, а также собственными генетическими корнями и энергией, которую он называл сублимированной, или десексуализированной. В работе 1926 г. «Торможение, симптомы и страх» Фрейд приписал Я способность приводить в действие защиту в ответ на сигнальную тревогу. Благодаря этому он ввел в концепцию Я новый параметр — функцию оценки ситуации и предвидения — и стал описывать Я как орган

адаптации. В то же время Фрейдом не была разработана теория последовательного развития Я; в его трудах не была освещена важная роль влияний внешнего мира на функционирование Я.

Таким образом, позитивистский подход, используемый Фрейдом при рассмотрении проблем статуса психоанализа, взаимодействия индивида и общества, отношения к религии, к художественному творчеству, а также при исследовании Я, оказался во многом несостоятельным. В ходе дальнейшего развития психоанализа и философии многие выводы Фрейда были оспорены и заменены новыми представлениями. В данном исследовании мы рассмотрим границы применимости классического психоанализа, психоаналитическое учение Эриха Фромма о поведении, а также становление новых взаимоотношений между современным психоанализом и религией в связи с обновлением содержания последней. Мы также проанализируем взаимоотношение психоанализа и художественного творчества. Кроме того, будет проведен сравнительный анализ проблемы Я в психоанализе и в современной западной философии. Однако перед тем как мы приступим к критическому рассмотрению психоаналитических взглядов Фрейда, в преодолении недостатков которых и развивался современный психоанализ, хотелось бы сказать несколько слов о некоторых фундаментальных и важных его открытиях.

К таковым Карен Хорни¹¹, например, относила:

1) гипотезу Фрейда о строгой детерминированности психических процессов, которая позволила заняться рассмотрением психических проявлений, ранее считавшихся случайными, бессмысленными и загадочными: сновидениями, ошибками в повседневной жизни,

фантазиями. Без учения о детерминированности психических процессов, по мнению Хорни, у нас не было бы надежды понять ни одну из реакций пациента.

2) Учение Фрейда о бессознательной мотивации, то есть его представление о том, что действия и чувства могут определяться бессознательными мотивами и что побуждающие нас мотивы представляют собой эмоциональные силы, причем бессознательные мотивы остаются таковыми потому, что мы не хотим их осознавать, так как на карту поставлен наш интерес. Поэтому для вывода их на поверхность сознания необходимо будет выдержать борьбу. Именно об этом говорит фрейдовская концепция «сопротивления», имеющая первостепенную ценность для терапии.

3) Динамическую концепцию личности Фрейда и его представление о том, что для понимания любой личностной структуры мы должны прийти к осознанию эмоциональных побуждений конфликтного характера.

Со своей стороны, Руткевич полагает, что наиболее плодотворной стороной психоаналитической интерпретации является генетическое толкование (то есть «реконструкция» любого явления в контексте истории жизни), которое вытекает из важнейшего тезиса Фрейда о том, что «наша идентичность возникает в процессе индивидуальной жизни в результате идентификации с другими в раннем возрасте, когда мы “интроецируем” свойства других и преобразуем их в собственные черты»¹². При этом главным научным вкладом Фрейда российский философ считает открытие им того, что «вытесненные из языковой коммуникации представления утрачивают символическую форму, но не утрачивают ни своей интенциональности, ни динамически-энергетических характеристик. Находясь в бессоз-